

УДК 14(470+571)''18/19''

**РУССКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ СООБЩЕСТВО НАЧАЛА XX в.:
КОНКУРЕНЦИЯ ДВУХ ТРАДИЦИЙ****В. И. Красиков**

Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 2.1.3/4245, Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2010 гг. Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию.

Статья посвящена рассмотрению общих закономерностей развития отечественной философии на рубеже XIX-XX вв., когда сформировались ее две линии через противоборство двух группировок. Одна была представлена религиозными философами, объединявшимися вокруг книгоиздательства «Путь», другая была выработана группой молодых неокантианцев, участвовавших в международном журнале «Логос». Дана экспозиция основных установок этих групп на решение злободневных – и тогда и сейчас – проблем отечественной философии.

The article is devoted to a consideration of general patterns of Russian philosophy development in XIX- the Beginning of XX Centuries. There were formed two lines through confrontation between two groups. The one of them was a group of religious philosophers who were united around the book publishing «A Way». The second group was formed from young neo-Kantians who were participants of the journal «Logos». There are presented a review of peculiarities of their outlooks.

Ключевые слова: русская философия, «путейцы», «логосовцы», особенности отечественного мышления и стратегии его развития.

Прежде чем рассмотреть особенности русской философии начала нашего века, вернемся ретроспективно в XIX век. Лишь в этом случае станет ясен качественный характер духовной среды (социально-политическая подоплека изменения мировоззренческих приоритетов, динамика ценностных ориентаций российских интеллектуалов), в которой, оформились эти особенности.

В первой половине XIX века русская философия не могла развиваться свободно потому, что правительство считало философские идеи опасными. Речь прежде всего идет о преподавании философии. В 1850 году министр народного просвещения князь Ширинский-Шахматов заявил: «Еще не доказано, что философия может быть полезной, а вред от нее возможен». Тогда же были упразднены кафедры философии в университетах. С разрешения правительства допускалось преподавание только логики и эмпирической психологии, и то лишь профессорами богословия. Только в 1860 году в университетах вновь было введено преподавание философии. С восшествием на престол Александра III Россия вступила в полосу реформ. В этот период русская философия вступила в полосу быстрого развития. В области религиозной философии на первое место выдвинулся Владимир Соловьев. Однако в то время (конец XIX века) интеллигенция мало интересовалась религией. Одна ее часть занималась проблемой свержения самодержавия, другая же была поглощена общественными и экономическими проблемами. Все же уже к концу XIX – в начале XX вв. широкая публика начала проявлять интерес к религии, метафизическому и этическому идеализму, идее нации и вообще духовным ценностям. Возникают многочисленные религиозно-философские общества, в литературе и поэзии наступает настоящий российский

Ренессанс. Наиболее явственно этот духовный подъем и переоценка идеалов XIX века был выражен в труде, который наделал много шума в начале нашего века. Речь идет о сборнике «Вехи», где были статьи Бердяева, Булгакова, Струве, Франка и др. Авторы подвергли умной и беспощадной критике прежних идолов российской интеллигенции (Маркс и Конт, Милль и Моллешот, Фейербах и Спенсер, и пр.), а также обнажили ее отрицательные качества. Так, интеллигенцию критиковали за «мессианизм», т. е. за преувеличенную самооценку, когда интеллигенция считала себя спасителем и поводырем народа, который она хотела привести к «светлому будущему». Авторы сборника подметили и такие черты, как нигилизм, культивирование материальных ценностей вместо духовности и веры. Стремление к революции, радикальным способам решения социальных проблем может привести, считали эти философы, только к всеобщей озлобленности, ненависти.

Таким образом, духовная жизнь в России начала нашего века характеризовалась ценностной многозначностью и внутренней напряженностью. Это была та «точка бифуркации» в развитии России, которая несла в себе самые разные возможные варианты дальнейших судеб нашего отечества. Данная ситуация нашла свою духовную явленность также и в философии. Соответственно русская философия этого времени существенно своеобразна.

Во-первых, она отмечена невиданным ранее плюрализмом, появлением разнообразных школ и течений, что является свидетельством ее несомненного расцвета. Одно даже перечисление имен выдающихся философов говорит о богатейшем потенциале российского духа этого времени – ведь это были совершенно разные мыслители: Бердяев, Сорокин, Булгаков, Флоренский, Шестов, Эрн, Лос-

ский, Лосев, Леонтьев, Франк, Болдырев, Шпет, Розанов, Кожевников, Козлов, Лопатин, Введенский, Вышеславцев, Ильин, Федоров и др.

Во-вторых, особенностью русской философии этого времени следует назвать углубленное развитие религиозной тематики, традиций Хомякова и Соловьева в создании самобытной православной философии.

И наконец, третьей особенностью, которая свидетельствовала уже о складывании академической философии – было становление гносеологических и логических исследований в школах российского интуитивизма (Лосский, Франк, Болдырев и Кожевников) и трансцендентально-логического идеализма (неокантианства – Шестов и Эрн).

Последняя особенность весьма знаменательная, т. к. свидетельствует о становлении академических школ в философии и говорит о достижении национальной философией определенного качественного уровня, связанного с формированием философского профессионального сообщества (стабильность кадров, институционализированная коммуникация, составительность «школ», систематизированность исследований и пр.).

Философия ведь может существовать как выражение гения или увлечение в светских салонах – таковой она и была в России практически на протяжении всего прошлого века. Когда же философия не только преподается в университетах, но и начинает функционировать в виде философских школ, объединенных некоторой «парадигмой» (как правило, это оригинальная теория основоположника-организатора школы) и специфической проблематикой – тогда возникает академическая философия. Именно последняя является залогом возможных духовных свершений, как, к примеру, это было в Германии, где многовековая академическо-университетская традиция определила устойчивое лидерство немецкой мысли в западно-европейской философии. И хотя гении философии появляются везде, у разных народов и в разных странах, но лишь в соответствующей философской среде они могут превратиться из «невзрачного алмаза» природного ума в «сияющий бриллиант» рефлексивного интеллекта. Подобные условия для складывания национальной философской традиции были налицо в предреволюционной России.

В России, как и повсюду, появляются и конкурируют две формы культурной традиции «философия»: националистическая и космополитическая. Первая, как правило, более ранняя по своему самосознанию, ибо отражает извечную исходную первичность в развитии сознания национально-эгоистических чувств. Космополитическая форма философской традиции ориентируется на включенность (на ранних этапах – пристязь) в некую условность «всемирного историко-философского процесса». Зачастую она более рефлексивна, самокритична, т. к. ориентирована на высокие профессиональные стандарты, но потому нередко и более бесплодна, находясь всегда под сенью идейного импорта.

Националистическая форма традиции наиболее энергична в своем формировании, пронизана мощными токами детской энергии самосозидания, конструирования своего «национального образа» мира. Обратной стороной подобной творческой мощи полагания является высокая степень мифологизированности, здесь сильны националистический задор, неприменные горделивое самомнение и самовнушение. Однако националистическая философская традиция, в отличие от националистической мифологии, способна перерастать затем в космополитическую, когда универсализующе-философские моменты в ней начинают задавать основной тон и партикулярное становится «вселенским», империалистским в сфере философского духа, а народ, создавший такую философскую традицию, превращается в «исторический народ» истории мировой философии.

Россия с ее евразийским, детским еще, универсализмом, вообще выглядит еще только робким новичком в философии. Однако за столетие (30 – 40 гг. XIX – 30 – 40 гг. XX вв.) она сумела создать то, на что другим требовались века. Первой возникла националистическая, славянофильская традиция. Ее основатели (Киреевский и Хомяков) прямо провозгласили задачу создания самобытного русского философствования, которое базировалось бы на концептуализации самобытных форм российской жизни и мышления. Ничего особенно впечатляющего философского они создать не сумели, за исключением историософских схем, идеализирующих, романтизирующих русское прошлое и православие как особо духовную, истинную разновидность христианства. Западный рационализм и сциентизм, западное христианство и капитализм были объявлены антитепами исконной русской идентичности, чья положительная значительность образовывалась через критику, отрицание, чувство тайного превосходства.

К наиболее важным, можно сказать «фирменным», концептуализациям формирующейся славянофильской традиции можно отнести такие идеи, как «соборность», «православный мессианизм» и «цельная истина». Однако идеи эти были выражены в не совсем адекватной, философско-категориальной, проработанной форме. Доводку их до кондиции систематических понятий, установление связи с сопредельными понятиями и в оппозиции к имеющимся «западным решениям», произвел культовый философ традиции «русская религиозная философия» (она же националистическая, т. е. славянофильская) – Вл. Соловьев. Он же добавил к имеющимся философским идеям «русского стиля» такие новообразования, как «богочеловечество», «София», «активное христианство», «всеединство». Тогда же, в конце XIX в. Вл. Соловьевым была запущена в интеллектуальный оборот и вдохновляющая метафора «русской идеи», коей было уготовано долгое будущее – вплоть до наших дней.

Весомый вклад в развитие этой формирующейся традиции внесли и наши великие писатели [1]. Однако для окончательного оформления в виде историко-философского направления понадобилась дея-

тельность философов послесоловьёвской генерации, пытавшихся совмещать в своем мышлении как православно-славянофильские мотивы, так и привлекательные для них западно-европейские подходы интуитивизма, «философии жизни», антисциентизма. В дооктябрьский период – это интеллектуальное ядро журнала «Путь»: Н. Бердяев, П. Флоренский и С. Булгаков. Затем, в эмиграции, к победившей партии, а победа стала несомненным фактом после распада противоположного конкурирующего направления «логосовцев», – присоединились (в том числе и «переметнулись») ряд философов, ранее воздерживавшихся от прямого участия в философско-партийных баталиях: Н. Лосский, С. Франк, Б. Вышеславцев и др. Однако только в первых систематических историко-философских рефлексиях относительно отечественной мысли (30 – 40 гг. XX в., эмиграция) сторонники группы с эмблемой «русская религиозная философия» смогли закрепить свою интеллектуальную победу в трех фундаментальных работах лидеров направления [2], которые и сформировали на Западе публичный образ «истинной, исконно русской философии» – в противовес тоталитарно навязанной марксистской философии в СССР.

Одинокая «История русской философии» последнего из могикан альтернативного, космополитического направления – Б. Яковенко не произвела особого впечатления на интеллектуалов Запада, поскольку повторяла во многом общие места самой западной мысли в представлениях о философии и не могла предложить на этом тематическом поле ничего конкурентоспособного или выходящего за рамки произведений историко-философского либо комментаторского жанров. Яковенко был наиболее последовательным, темпераментным представителем другой формы русской философской традиции, которая было сформировалась в первые десятилетия XX в., но оказалась менее стойкой к серьезным социальным потрясениям, зачахла и была успешно замолчана победившей партией.

Космополитически настроенные интеллектуалы живут более умом и общечеловеческими ценностями (знаниями). Это более холодная, отстраненная субкультура, лишенная заблуждений (веры), и их страсти питаемы лишь из индивидуального источника чувства собственной исключительности, мало связанного с отзывчивостью к биографии народа. Нет чувств этнической неповторимости, идентификации с национальным характером, его силой и многочисленными слабостями. Потому у них нет поддерживающей опоры в виде «коллективного я» в их душах. Оказавшись в инокультурной среде, они быстро растворяются, ассимилируются, их *ratio* вполне может функционировать в связи с другими обстоятельствами. И, напротив, «славянофильствующие» философы либо борются, миссионерствуют со своими идеями, если имеют к тому задатки (Бердяев, Шестов), либо замыкаются в своих узкоэмигрантских мирах «православной России» (большинство).

Конечно, космополитическая традиция сложилась ранее, до Б. Яковенко и его единомышленников, однако имела ранее менее отчетливые философствующие моменты. Она ранее была представлена более общественно-политическими, литературными и научными кругами российского общества и сложилась, как и славянофильство, в 30 – 40 гг. XIX в. В своем появлении она была связана с хорошо известными всем именами П. Чаадаева, В. Белинского и А. Герцена. Затем их сменили либералы 50-60 гг. (тургеневский Павел Петрович), нигилисты, народники, марксисты. Как видно из перечня имен и поколений западников, собственно отвлеченные вопросы чисто философского знания стояли у них на втором после социально-политических интересов месте. Главным их стремлением было модернизировать Россию, истребить в ней азиатчину и сделать европейской державой. Современная им европейская философия казалась вполне разработанной и чуть ли не идеалом. Белинский и Герцен были увлечены Гегелем, Чернышевский – Фейербахом, народники и социалисты – позитивизмом и марксизмом. К чему выдумывать что-то, когда оно уже есть? Поэтому конституирование западнической или же космополитической позиции в области академической профессиональной философии произошло позднее, чем у славянофилов. Она смогла появиться лишь по мере развития университетской среды в России и усиления межгосударственных контактов в области подготовки кадров для высшего образования.

До революции в России сложилась система подготовки философских кадров, предусматривавшая стажировку молодых магистров в течение 3 – 4 лет в университетах Западной Европы, особенно Германии. Российская молодежь слушала наиболее авторитетных в то время философов (до «мятежа» англоамериканцев): Виндельбанда, Риккерта, Когена, Наторпа, Гартмана, Кронера, Гуссерля, Шелера, могла получать у них консультации, писать под их руководством диссертации. После возвращения в Россию они чувствовали себя культуртрегерами среди туземцев с их домотканной философией. Тем более, что действительно существовало разительное отличие по уровню рефлексивности, глубине анализа и изощренности языка между академической философией в Германии и в России. Это была группа молодых интеллектуалов (Б. Вышеславцев, Н. Бубнов, М. Гурвич, Б. Кистяковский, Б. Сеземан, С. Франк) во главе с Б. Яковенко, С. Гессеном и Ф. Степуном, которая объединилась вокруг книгоиздательства с журналами «Логос» и «Труды и дни», создав свою интеллектуальную сеть. Как и всякие «западники», они ориентировались на общепризнанные философские стандарты континентальной философии: неокантианство («критичная научная метафизика конкретного идеализма») и феноменологию. Идеи, которые они продуцировали, не столь ярки и необычны, как у философов славянофило-соловьёвской линии, но зато более рациональны и прагматичны. Эти идеи можно представить следующим образом:

– утверждение рационального образа философского знания, в отличие от приписывания русской философии принципиальной иррациональности (конкретно *сущее, любовь, органицизм и все такое*); тесной связи, доходящей до слияния с православием; профетизма философии в предстоящем богочеловеческом изменении мира. Философия – это дискурсивно-рефлексивное и общеобязательное знание, которое должно выражаться в «ясных, отчетливых, с внутренней очевидностью связанных между собой понятий рассудка» /3/. Философия – автономная и самодостаточная сфера культуры, хотя и имеющая просвещенческие, воспитательные, эвристические функции, однако она не служанка идеологии, даже национальной;

– прокламирование универсализма и единства философского знания. Приватные национализации философии есть ее идеологизации, использование какими-либо силами в своих корыстных интересах. Нет никакого «специального глубокомыслия» русской философии, которое обеспечивается особыми отношениями с обязательно православным Создателем, нет никакого «нутряного *style russe*».

Под подобными идеями смело могли бы поставить свою подпись и большинство континентальных философов. Потому космополиты в нашей философской традиции интересны и значимы более для нас – своей критикой, предостережениями от сильной увлеченности впадением в самобытность. Но для европейцев они вторичны, малоинтересны, иное дело резкие, яркие и эпатажные русские с их странными нарциссическими идеями. С ними категорически не согласны, они пугают, но с ними интересно [4].

Однако для нас, людей начала XXI века, одинаково необходимы и нужны обе стороны нашей культурной традиции – «русской философии». Они, каждая по-своему, в концептуальной, мировоззренческой, метафорической формах, выразили особенности *русского способа переживания и обсуждения* вечных общечеловеческих проблем, или же основные черты «русской души» и «русской идеи».

Итак, философский плюрализм в России первых десятилетий XX века означал действительное становление национальной философской традиции в

двух ее ответвлениях, которая по своему потенциалу имела все шансы для превращения в самостоятельное и влиятельное направление мирового историко-философского процесса, если бы это становление не было радикально и безжалостно остановлено.

Русские философы предложили ряд интереснейших в философском отношении идей, которые органично вошли в оборот мировой мысли. К ним можно отнести концепцию свободы и объективирования Бердяева, концепцию субстанциальных деятелей Лосского, онтологию любви и идею «консубстанциальности» Флоренского и *мн. др.*

Литература

1. Толстой, Л. Н. Непротивление злу насилем, народ-богоносец. Ф. М. Достоевский: этическая критика прогресса (пассаж о слезинке ребенка), этический пафос христианства (если нет Бога, все позволено).
2. «Русская идея» Н. Бердяева, «Истории русской философии» Н. Лосского и В. Зеньковского.
3. Яковенко, Б. Очерки развития русской философии / Б. Яковенко // *Мошь философии*. – СПб: Наука. 2000. – С.793. Декартово-гуссерлианское первородство здесь бесспорно и очевидно.
4. История дружбы антиподов: Гуссерль и Шестова. После шестовской заочной иррационалистической критики его позиций, Гуссерль сам пошел на знакомство с Шестовым. Между ними не было почти ничего общего, но это-то и было интересно и стало основанием их взаимной приязни. О том же пишет Бердяев, рассказывая о встречах и отношениях с Кайзерлинком, Маритеном и Марселем.

Рецензент – В. И. Марков, ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств».